

Н. Т. Эннеева

Материалы к жизнеописанию священномученика протоиерея Александра Зверева — настоятеля храма святителя Николая, что в Звонарях*

Священномученик протоиерей Александр Александрович Зверев происходил из старинного священнического рода, более двух столетий окормлявшего приход села Фаустово Московской губернии, Бронницкого уезда. Его отец Александр Григорьевич и дед Григорий Афанасьевич Зверевы, по сорок лет служившие на приходе, много способствовали делу благотворительности и просвещения среди тысячного населения села Фаустово и близлежащих деревень.

Отец Александр Зверев родился 8 (21) августа 1881 года, в день перенесения мощей преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, и в тот же день был окрещен в Троицкой церкви села Фаустово. Рождение сына-первенца в семье настоятеля Фаустовского прихода в день празднования памяти Соловецких подвижников особо знаменательно тем, что сам приход Фаустово располагался на месте бывшей Краснохолмской Соловецкой пустыни, просуществовавшей с середины XVII до середины XVIII века, от которой Фаустово унаследовало два храма: один во имя Пресвятой Троицы, а другой — в честь перенесения мощей преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Над столом отца Александра всю жизнь висела большая икона, изображающая преподобных Зосиму и Савватия припадающими к Престолу Спасителя, окруженному Божией Матерью, Иоанном Предтечей и другими святыми.

Уездному приходу села Фаустово суждено было дать Российской Церкви трех священному-

Ил. 1. Отец Александр Зверев в своей квартире в Звонарях в конце 1920-х гг.

* При написании статьи использованы материалы, подготовленные к канонизации протоиерея Александра Зверева протоиереем Николаем Погребняком, Е. А. Погребняк, С. С. Погребняк.

Ил. 2. Протоиерей Александр Григорьевич Зверев со своим сыном Александром — будущим новомучеником. Начало 1900-х гг.

чеников — новомучеников Российских. Одним из них был священномученик протоиерей Сергей Кедров, прославленный Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в августе 2000 года. В 1908 году семинарист Сергей Кедров¹ женился на сестре отца Александра Зверева, Людмиле Александровне, тогда же принял сан священства и приход в Фаустово, сменив на посту настоятеля скончавшегося отца Александра Григорьевича Зверева-старшего. Отец Сергей Кедров служил в Фаустово до самого упразднения прихода и своего расстрела в 1937 году.

Другая сестра отца Александра Зверева, Любовь Александровна, вышла замуж за воспитанника своей семьи, сына фаустовского дьякона, осиротевшего в возрасте двенадцати лет, — Ивана Березкина, который, отучившись вместе с отцом Александром в Училище, Семинарии и Академии,

тоже стал священником и служил затем в Белгороде, Серпухове, Егорьевске и Москве. Последний год перед ссылкой он заменял уже сосланного отца Александра Зверева в храме святителя Николая в Звонарях, после чего и сам был арестован и в конце концов пропал в лагерях в начале 1940-х годов.

Все трое священников — отец Александр Зверев, отец Сергей Кедров и отец Иоанн Березкин — были связаны не только родственными, но и тесными духовными узами. Духовные традиции Фаустово были основой их пастырской деятельности. Духовный климат Фаустово отличался необычайной простотой, безыскусственностью, близостью к народной жизни, с одной стороны, и строгостью и верностью православным традициям и Церковному уставу — с другой. Но главное, что сплачивало эту большую духовную семью, была искренняя и глубокая вера, в нелицемерной атмосфере которой с самых ранних лет воспитывались новые поколения фаустовцев. В памяти духовных чад остались рассказы отца Александра Зверева о том, как его дед, иерей Григорий Афанасьевич, старался привить маленькому внуку внимательное и осмысленное восприятие богослужения: после литургии он любил поинтересоваться у мальчика: «Ну, Сашенька, так какой же был сегодня Апостол, какое же было Евангелие?»² При этом воспитание не переходило в рамки педантизма, и о своих оплошностях отец Александр рассказывал позже с замечательным юмором. О том, что благочестие дома в Фаустово не несло в себе ничего принудительного, свидетельствует и то, что будущий отец Александр вначале совершенно не готовил себя к священству, хотя и учился в духовных учебных заведениях.

Фаустовскому духовному кругу был присущ и то же время высокий уровень образования и культуры. Все дети отца Александра Григорьевича Зверева, не исключая и девочек, учились в Москве, домой приезжая на каникулы. Семья имела прекрасную библиотеку, одних только духовных книг XVIII — XIX веков издания насчитывалось несколько сотен томов.

Все трое фаустовских священников-новомучеников имели склонность к просветительской деятельности, к проповедничеству и миссионерству, обладали даром слова. В Фаустово, в доме Зверевых, сохранились рукописи лекций и проповедей отца Сергея Кедрова, рассчитанных на сельскую паству; в Серпухове отец Иоанн Березкин организовал «Общество трезвости» и издавал соответствующие листки, в Егорьевске он же участвовал

¹См. о нем: *Дамаскин (Орловский), иеромон. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним*. Тверь. 2002. Кн. 6. С. 259 — 270.

²Подобедова О. И. Воспоминания об о. Александре Звереве. М., 2001. С. 45.

в издании духовно-просветительских листков «Стою у двери и стучу». Отец Александр Зверев из них троих, пожалуй, в наибольшей степени был открыт миру культуры. Он всегда охотно благословлял своих духовных чад на получение высшего образования. В зрелые годы отец Александр был дружен с художником М. В. Нестеровым; находясь в ссылке, читал не только духовную, но и естественнонаучную литературу, ища в ней соответствия церковному учению и подтверждения истин веры. Сама тема его академической диссертации, защищенной в 1909 году: «Современные светские религиозные мыслители и их значение для пастыря-наставника», свидетельствует о склонности его к проблемам апологетики и миссионерства. Со временем отец Александр возглавил Пастырско-миссионерские курсы³.

Начальное образование отец Александр получил в Духовном училище при Донском монастыре в Москве, которое окончил в 1897 году. Со слов

Ил. 3. Священники отец Александр Зверев (слева), отец Сергей Кедров (в центре) и отец Иоанн Березкин (справа) со своими родными. Фаустово. 1926 г.

родственников, здесь он впервые увидел святителя Тихона (Белавина), тогда архимандрита, в бу-

душем Святейшего Патриарха, пришедшего в Училище с ревизией. Через всю жизнь отец Александр пронес необычайную любовь к святителю Тихону, образ которого оказал большое влияние на его собственное формирование и к которому он впоследствии был очень близок по духу. Отца Александра отличали безыскусственная простота и ощущение жизненной правды в общении, неаффектированная, непоколебимая вера, непреклонность, мужество в проведении четкой и твердой церковной жизненной позиции посреди ужасающих бурь и испытаний. Святитель Тихон также с любовью относился к отцу Александру, бывал у него дома, в Звонарях (в семье Зверевых много десятилетий спустя показывали кресло, в котором он сидел). Когда Патриарх Тихон скончался, отец Александр с двенадцатилетним сыном пешком, по запруженным народом улицам, добрался из центра Москвы до Донского монастыря, где затем три дня неотлучно провел у гроба Святейшего, читая Евангелие, после чего участвовал в отпевании. В 1927 году сын отца Александра, по благословению отца, нарисовал большой графический портрет Патриарха Тихона, который в годы гонений хранился закатанным в рулоны чистой бумаги.

По всей вероятности, в это же время – в период обучения в Донском Духовном училище – произошла встреча Александра Зверева и с отцом Феодором Соловьевым, тогда пресвитером Успенского собора Московского Кремля, в будущем – знаменитым старцем Зосимовой пустыни Алексием. В архиве отца Александра сохранился тетрадный листок, исписанный стихами, сочиненными отцом Феодором непосредственно перед уходом в монастырь:

...В пустыне мрачной, среди бора,
Обитель мирная стоит,
Молитва в стройном гласе хора
От ней к Всевышнему парит.

* * *

Не с тем от мира удаляюсь,
Чтобы людей совсем забыть,
Но чтоб, ничем не отвлекаясь,
За них с собой Тебя молить⁴.

Под стихами подпись: «Эти стихи сочинил отец Феодор Алексеевич Соловьев (старец). Списано 1898 г. 29 окт. Ушел Ф. А. в Зосимову пуст. 24 окт. 1898 г.».

Отец Александр говорил позже, что он, «когда был юношей, искал в жизни христианский идеал и нигде не находил, пока не встретил старца»⁵.

³Официально они назывались Пастырско-Богословские курсы.

⁴Архив семьи Зверевых.

⁵Четверухина Е. Старец отец Алексий, иеросхимонах Смоленской Зосимовой пустыни. Машинопись. М., 1938. С. 79.

Отец Александр Зверев был одним из самых преданных духовных чад старца Алексия Зосимовского. Вместе с другими близкими духовными детьми старца он провожал его в затвор в июне 1916 года, участвовал в его отпевании и погребении 22 сентября 1928 года. Дома у отца Александра как святыня сохранялась ложечка старца Алексия (в 1978 году сын отца Александра передал ее Святейшему Патриарху Пимену).

По окончании Училища Александр Александрович Зверев поступил в Московскую Духовную семинарию, которую закончил в 1903 году по первому разряду с аттестацией: «Доброй и нравственной настроенности, характера кроткого и уживчивого, к поступлению в Академию вполне благонадежен»⁶. В 1904 году он сдал вступительные экзамены в Московскую Духовную академию, но зачислен был на год позже из-за недостатка мест. Одновременно, с октября 1904-го по январь 1906 года, А. А. Зверев исполнял обязанности надзирателя в Семинарии (МДС).

В Духовной академии Александр Александрович Зверев пользовался всеобщей любовью. Сохранилось воспоминание о том, что в день выпуска сокурсники неожиданно подняли его на руки и принялись качать «милого Сашуху»⁷. В Академии Александр Александрович жил в общежитии иногородних студентов, среди которых выделялся редким благонравием и сочувственным отношением ко всем, всегдашнюю готовностью помочь, причем особое внимание уделял духовно слабым, тем, от которых другие отворачивались. За это товарищи платили ему почтительным и бережным отношением.

Отец Александр Зверев был наделен очень сильной и горячей натурой, при этом абсолютно чуждой всякой ложной аффектации. На фотографиях разных лет он смотрит неизменно горящими глазами: вначале полными радости и любви, потом — любви и преданности Богу и людям и под конец — огня всепобеждающей веры. Душа его «пела»: это выражалось, в частности, в том, что часто он своим близким писал письма в белых или рифмованных стихах; иногда даже, начав с обычных обращений, он через несколько слов переходил, как бы невольно, «от избытка сердца», на рифму. В годы пастырства его главным заветом к духовным чадам был призыв «радоваться!» — радоваться не от духа миролюбия, духа мира сего, но от духа веры. «Радоваться надо, радоваться! — говорил отец Александр своим близким на вокзале,

отправляясь в ссылку в Северный край. — Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес! И чтобы никогда печали не было!»⁸

А. А. Зверев окончил Духовную академию в 1909 году (7 октября) с благословением женить-

Ил. 4. Александр Александрович и Мария Алексеевна Зверевы

ся. В конце академического курса он уже был обручен с дочерью настоятеля храма святителя Николая в Звонарях, в котором в дальнейшем сосредоточилась его собственная пастырская деятельность, — с дочерью отца Алексия Лебедева, Марией Алексеевной Лебедевой. Мария Алексеевна была натурой тонкой, художественной, окончила Строгановское училище. Это не было случайным увлечением — под ее непосредственным влиянием по ее стопам пошел сын, ставший прекрасным художником, учеником М. В. Нестерова. В то же время Мария Алексеевна увлекалась Владимиром Соловьевым и была глубоко религиозна. Сохранилась фотография с портрета Вл. Соловьева с надписью на обороте цитаты из речи философа, произнесенной на Высших женских курсах: «В христианстве мы имеем не просто учение, подобное другим религиозным учениям, а действительный реальный мировой факт: рождение нового человека». Подпись: «30 августа 1909 года. Дорогому моему Сашеньке от твоей Мани»⁹.

4 июля 1910 года, накануне венчания, старец

⁶ ЦГНАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1377. Л. 4 // Цит. по: Сергей Голубцов, протоиерей. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917 – 1922. М., 1999. С. 135.

⁷ Подобедова О. И. Указ соч. С. 46.

⁸ Там же.

⁹ Архив семьи Зверевых.

Алексий Зосимовский благословил Александра Александровича Зверева и Марию Алексеевну Лебедеву иконой Смоленской Божией Матери со словами: «Любите друг друга и своею любовью восполняйте один душу другого. Храни Вас Господь искать где-либо на стороне, а не в семейном очаге, спокойствия своей души». (Слова эти отец Александр записал на обороте иконы, существующей и поныне.) Позже, поздравляя из ссылки жену с днем Ангела (29 октября (11 ноября) 1933 г.), отец Александр писал:

Мой милый Симон Киринейский,
Подруга юности и зрелости моей,
Мой Ангел светлый, незабвенный,
С небес ты послана душе моей...

* * *

С покорностью несу чего страшился ране,
Вся жизнь ясней предстала предо мной.
Во всем высоком обязан милой Мане,
И только ей одной, одной...¹⁰

7 июня 1912 года, к великому счастью молодой четы, у них родился сын Серафим, которому в будущем суждено было стать выдающимся художником, учеником М. В. Нестерова и П. Д. Корина, и через долгие десятилетия донести свет своей семьи многим людям, лишенным духовных корней.

Молодая семья поселилась в Вифании, в четырех километрах от Троице-Сергиевой Лавры, где они прожили семь счастливых лет. Здесь по окончании Академии А. А. Зверев был назначен на должность помощника инспектора Вифанской семинарии; рядом были Лавра и Зосимова пустынь, где подвизался духовный наставник семьи старец Алексий. Именно поэтому, вследствие такой близости местонахождения, отец Александр смог оказаться среди всего лишь четырех священнослужителей, присутствовавших 6 июня 1916 года на проводах старца в затвор, которые не были объявлены заранее. Кстати, было и своеобразное «отшельничество», удаленность от московской суеты: отец Алексий в первые годы не благословил молодую семью встречаться с близкими друзьями чаще раза в год.

Александр Александрович первоначально не думал специально о принятии священного сана. Но когда в сентябре 1912 года он вступил в должность преподавателя словесности и истории русской литературы в Вифанской семинарии с одновременным исполнением обязанностей классного воспитателя, стало ясно, что А. А. Зверев — пастырь от Бога. В его характеристике позже было сказано:

«Дело школьного воспитательства у отца Александра Зверева превратилось в дело чисто пастырского попечения и забот о вверенных его руководству воспитанниках. Уделяя много времени их умственному развитию, он главные усилия, и к тому же весьма успешные, направляет к созиданию в них христианского характера и преданности Церкви»¹¹. Уже в начале 1913 года, 16 февраля, Александр Александрович Зверев был рукоположен во священника епископом Дмитровским Иоасафом (Калистовым), Управляющим Московской епархией, и сразу награжден набедренником.

В священном сане отец Александр продолжал свою преподавательскую деятельность в Вифании. Ученики его очень любили. По дошедшим отзывам, лекции читал он блистательно. Во внеклассное время устраивал чтения рефератов, написанных учениками. Разбирая с ними русскую литературу, он давал уроки духовности. Одной из излюбленных им тем было стремление показать на примере творчества А. С. Пушкина «удивительное свойство русского духа, русского человека — героизм в отсутствии героизма»¹². Это было и собственным жизненным принципом отца Александра. По воспоминаниям сына, в те годы отец рассказывал ему

Ил. 5. Отец Александр Зверев со своей семьей после первого ареста. 1924 г.

¹⁰ Архив семьи Зверевых.

¹¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 233. Л. 261 — 264.

¹² Подобедова О. И. Указ. соч. С. 47.

«о силе и славе Русской земли, о великих подвигах народа, защищавшего ее от врагов»¹³.

В дневниках сына отца Александра, Серафима Александровича Зверева, есть и такая запись: «Помню... Вифания. Анфилада комнат, уходящая вдаль... Я стою лицом к дверям, налево от меня стол накрыт белой скатертью, а за ним на диване у стены сидят папа и мама, тоже в белом оба, и как-то тихо и хорошо разговаривают. Видимо, все приготовлено, сейчас должны придти гости. Великий покой разлит повсюду. Я ощущаю его и растворяюсь в нем»¹⁴.

Весной 1917 года дом семьи Зверевых впервые узнал большое горе: в мае скончался двухмесячный сын, названный в честь преподобного Сергия Радонежского Сергеем. Для Марии Алексеевны это был труднопереносимый удар, она винила себя. Чтобы спасти жену, отец Александр решил переменить обстановку и увезти ее в Москву, в семью ее родных, насчитывавших, кроме самой Марии Алексеевны, еще трех сестер и двух братьев. Старец Алексей Зосимовский к этому времени был уже в затворе, посещать его было нельзя, и территориальная близость к пустыни перестала иметь значение. Так Зверевы оказались в Москве, в родном для Марии Алексеевны Звонарском переулке, на Рождественке. А когда скончался отец Алексей Лебедев, настоятель храма Николая Чудотворца в Звонарях (отец Марии Алексеевны), отец Александр Зверев принял на себя его приход. Назначение его настоятелем Московской Свято-Николаевской, что в Звонарях, церкви последовало 12 (25) февраля 1919 года указом Высокопреосвященнейшего Иоасафа (Калистова), архиепископа Московского и Коломенского.

Переезд в Москву был связан для отца Александра с серьезными изменениями в характере его пастырского служения. Промыслом Божиим он был вызван из своего вифанского уединения на широкое миссионерское поприще. Он продолжал преподавать, но теперь не детям, а будущим священникам: летом 1918 года на заседании соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви во главе со Святейшим Патриархом Тихоном отец Александр был назначен помощником начальника Пастырско-Богословских курсов – знаменитого проповедника, священномученика отца Иоанна Восторгова. Эти Курсы были созданы в 1909 году по благословению священномученика Владими-

ра (Богоявленского), тогда – митрополита Московского, в связи со столыпинской реформой. Санкционированное правительством массовое переселение русского крестьянства из европейской части России на восток, за Урал, создало острую нужду в пастырях, которые могли бы окормлять переселенцев во вновь осваиваемых ими областях. Отцу Александру недолго пришлось исполнять обязанности помощника начальника курсов. 23 августа (5 сентября) 1918 года священномученик протоиерей Иоанн Восторгов был расстрелян в Москве по приговору новой власти. Отец Александр заступил в его должность в качестве исполняющего обязанности начальника курсов, каковое служение осуществлял до самого своего ареста в 1922 году, совмещая его с февраля 1919 года с настоятельством в Николо-Звонарском храме.

В 1922 году по стране прошла первая волна массовых арестов духовенства, связанных с развернутой властью кампанией по «изъятию церковных ценностей». Отец Александр был арестован в июле 1922 года, причем при аресте в доме № 9 по Звонарскому переулку, где проживала семья Зверевых, был произведен обыск. На открытом судебном процессе, прошедшем в Москве с 27 ноября по 13 декабря 1922 года, отец Александр виновным в сопротивлении указам гражданской власти себя не признал. «Церковноприходской Совет был создан 8 мая, – сказал он, – для обсуждения вопроса открытия столовых для голодающих и... о добровольной сдаче церковных ценностей... Изъятие в храме прошло спокойно»¹⁵. В отношении к советской власти отец Александр следовал благословию своего старца отца Алексея Зосимовского – молиться за нее, дабы разрушить разлившийся по стране дух «вражды и ненависти». Позже, после кончины Святейшего Патриарха Тихона, старец Алексей просил передать всем, знающим его в Москве, что он «ни минуты не сомневался и не колебался и стоит на стороне тех, кто признает власть и слушается митрополита Сергия»¹⁶. Однако на фоне позиции полной лояльности Церкви к властям тем более контрастно выглядела очевидная нелояльность властей к Церкви. По делу об изъятии церковных ценностей отец Александр Зверев был приговорен по статье 119 к трем годам лишения свободы и поражениям в правах на год. По амнистии приговор был заменен на один год тюрьмы, считая срок предварительного заключения¹⁷.

Сохранилась маленькая иконка на дереве, изоб-

¹³ Зверев С. А. Автобиография // Зверев С. А. Каталог выставки. М., 1985. С. 8.

¹⁴ Архив семьи Зверевых.

¹⁵ Сергей Голубцов, протоиер., Указ. соч. С. 135.

¹⁶ Илья Четверухин, протоиер., Евгения Четверухина. Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 174.

¹⁷ Сергей Голубцов, протоиер., Указ. соч. С. 143.

Ил. 6. Крестный ход на Светлой седмице в храме святителя Николая в Звонарях. Конец 1920 – начало 1930-х гг.

ражающая св. вмц. Варвару и Архистратига Михаила с мечами в руках, на оборотной стороне которой написано: «Куплена сия св. икона в граде Киеве в 1911 г., в июле, в Михайловском монастыре. Освящена на мощах св. Великомученицы Варвары. Сей иконе приписываю я спасение от страшного громового удара, разразившегося над нашими с Маней головами в Одессе в 1911 г., 3 июля. Была со мною в тюрьме с 14/по ст. 1 декабря 12 г. по 14/1 июля 1923 г.».

В то время, когда отец Александр еще отбывал свой первый тюремный срок, в феврале 1923 года, у него родилась дочка Ариадна. Матушка Мария Алексеевна в первые теплые дни весны понесла показать новорожденную отцу. Во время свиданий с родственниками заключенные были отделены от них железной сеткой, но, увидев жену с ребенком на руках, отец Александр забыл об этом. Он кинулся вперед и расшибся лбом о сетку. Заплакала дочь, заплакал отец. Такова была их первая встреча¹⁸.

За девять дней до своей кончины новорожденную дочку отца Александра Зверева благословил иконой святой мученицы Ариадны святой правед-

ный Алексей Мечев. За благословением к старцу ходил сын отца Александра Серафим; подпись об этом отец Александр сделал на обороте подаренной старцем Алексием Мечевым иконы.

В июле 1923 года отец Александр Зверев вышел из тюрьмы уже иным человеком, чем вошел в нее. Год пребывания там дал ему совершенно особый, наивысшего рода духовный опыт: опыт исповедничества за имя Христово. Он вернулся как бы с того света: во время процесса прокурор неоднократно требовал применения к обвиняемому духовенству высшей меры наказания. Сердце отца Александра было переполнено бесконечной благодарностью Богу и преданностью Ему. С этого момента начинается новый период в жизни как самого отца Александра Зверева, так и вверенных ему Звонарей, продолжавшийся ровно 10 лет. За эти годы семья отца Александра так сроднилась с приходом в Звонарях, что была заказана даже особая икона, изображающая Николо-Звонарский храм со стоящими перед ним святыми, во имя которых освящены престолы храма, держащими на руках главную храмовую святыню – икону «Взыс-

¹⁸ Подобедова О. И. Указ. соч. С. 43.

кание погибших», а на первом плане – святыми покровителями семьи настоятеля: святым Александром Невским, святой преподобной Марией, святым преподобным Серафимом Саровским и святой мученицей Ариадной¹⁹.

Внешне жизнь протекала очень тихо, ничем не выходя за пределы, которые были установлены для церковной жизни советской властью. К принципу отца Александра «героизм без героизма» добавлялась, по условиям времени, крайняя осторожность, связанная с тревогой за судьбы Церкви и пасомых. Известен такой случай: отец Александр в день своих именин пытался отсидеться у племянницы Галины Березкиной, но не застал ее дома, хотя предупредил ее о своем приходе в этот день заранее, к чему она не отнеслась серьезно, так как знала, что «в день дяди-Сашиных именин дверь у Зверевых на петлях не держится», так много приходило народу его поздравить²⁰. Отец же Александр, видимо, специально хотел избежать излишнего шума, чтобы не привлечь внимания властей и не подвести приходящих.

С точки зрения внутрицерковной жизни период с июля 1923-го по апрель 1933 года был счастливейшим периодом для многих людей, которым довелось в эти годы переступить порог храма святителя Николая в Звонарях. Многие десятилетия спустя, в годы, гораздо более благополучные, они вспоминали о том времени как о наилучшем в их жизни. Вокруг бушевала буря, а в Звонарском переулке царил тот мир и «великий покой», который когда-то почувствовал в отцовском доме маленький сын настоятеля. В эти годы отец Александр Зверев был духовником самого заместителя местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского), в будущем Патриарха Сергия. В сложных, запутанных вопросах владыка Сергей за разрешением их часто отправлял приходивших к нему людей в Звонари. В середине 1920-х годов к отцу Александру Звереву ходил за наставлениями юноша Сергей Извеков – будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Отец Александр готовил его к монашеству. В 1927 году Сергей Михайлович Извеков поступил в пустынь Святого Духа (Параклит), недалеко от Троице-Сергиевой Лавры, об уединении в которой мечтал до посещения Зосимовой пустыни сам старец Алексей (Соловьев) (Зосимова пустынь в это время уже была закрыта).

Будучи учеником старца Алексея, отец Александр в своем пастырском делании продолжал тра-

диции Зосимовой пустыни. На исповедь к нему ходили как на откровение помыслов. Главное внимание он уделял воспитанию в своих пасомых «внутреннего человека», что приобретало особое значение в эпоху гонений, когда в большинстве случаев защиту и опору можно было найти только внутри себя. Хотя отец Александр не говорил ни слова о политике и был полностью лоялен по отношению к гражданской власти, духовное воспитание, даваемое им, позволяло выработать независимость от атеистического духа времени, научиться оказывать ему внутреннее сопротивление. Тем самым его чадам в дальнейшем удавалось сохранить православную духовность независимо от того, в какие обстоятельства ставила их жизнь.

Главной задачей духовного воспитания отец Александр считал навык Иисусовой молитвы. Своим духовным детям он давал такое правило на каждый день (утром и вечером): 40 молитв Иисусовых, 20 – «Пресвятая Богородица, спаси нас!» и 10 – «Все святые, молитесь Богу о нас!»

Главное впечатление, которое выносил заходивший в Звонари человек: здесь совершается постоянное предстояние пред Богом. Всеночную в храме служили каждый день. Поражала непосредственность обращения отца Александра к Богу, его сыновняя доверчивость и в то же время безусловная вера в то, что Бог его слышит. На его службах было ощущение присутствия при личной беседе человека с Богом. Особенностью богослужения отца Александра было всемерное привлечение к нему молящихся. Так, например, от «Трисвятого» до «Отче наш» церковь повторяла хором молитвословия за своим предстоятелем, стоящим посреди нее, к ней лицом. Безусловно, чувствовалась и личная забота пастыря буквально о каждом стоящем в храме человеке²¹.

Любимыми темами отца Александра были: обожение как призвание человека, явленное Христом на горе Преображения, и абсолютность любви Бога к человеку, явленная Крестом, любви, для которой нет ничего невозможного, которая снизойдет на призыв человека в любую бездну падения²².

Особой темой пастырского попечения отца Александра, развиваемой им, притом чем далее, тем в большей степени, была тема целомудрия. *«Ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия (2 Тим. 1, 7) – это апостольское изречение считал отец Александр главным духовным заветом старца Алексея Зосимовского, о чем говорил на его погребении. «Царствие Божие блудни-*

¹⁹ Хранится в архиве семьи Зверевых.

²⁰ *Воспоминания об отце Иоанне Березкине Галины Ивановны Березкиной, записанные А. Ю. Бахтуриной. Рукопись.*

²¹ Подобедова О. И. Указ. соч. С. 12.

²² Там же. С. 10, 11.

ки и прелюбодеи не наследуют (см. 1 Кор. 6, 9 – 10). Умоляю вас, – говорил он, кланяясь своей пастве чуть ли не в ноги с призывом к покаянию. – Вот, я сказал вам. Я ваш свидетель пред Богом»²³. Во время ссылки отец Александр читал свт. Игнатия Брянчанинова и делал выписки о целомудрии,

В 1929 году отец Александр был награжден митрой. В 1930-х годах он становится благочинным Сретенского сѣрока. Между тем угроза нового ареста становилась все ближе. Квартиру Зверевых несколько раз «уплотняли» до тех пор, пока вся семья не оказалась в одной небольшой комна-

Ил. 7. Квартира Зверевых на Рождественке после «уплотнения». В центре – «кресло трех Патриархов» (рисунки С. А. Зверева)

посылая их сыну. Показательна судьба его детей: брат и сестра всю жизнь прожили вместе. Ариадна Александровна, очевидно только молитвами отца, смогла получить высшее образование (поступить и блестяще окончить МШУ), будучи дочерью репрессированного священника. Но не вышла замуж. На посмертном портрете брат изобразил ее держащей в руках розу без шипов – символ девства и целомудрия. Безусловно, глубоко промыслительно то, что в стенах Николо-Звонарского храма в 1994 году открылось подворье Пюхтицкого женского монастыря. Спустя некоторое время после закрытия храма в 1934 году в Пюхтицы, как бы случайно, даже вопреки воле некоторых духовных чад отца Александра, попала главная святыня Звонарей – чудотворная икона «Взыскание погибших». Вернулась она в Звонари вместе с открытием подворья женского монастыря.

те, в которой отец Александр и принимал своих многочисленных посетителей, включая владык. Со свойственным ему чувством юмора, чтобы ободрить смущавшихся такой теснотой гостей, он благодушно говорил им: «Что вы, что вы, у меня пятикомнатная квартира. Вот кабинет, – указывал он на письменный стол и книжные шкафы. – Вот спальня, – показывал на кровати. – Вот детская, – он указывал на сундучок, на котором спала его маленькая дочка. – Вот столовая, – обеденный стол. – И гостиная». Гостиной было единственное кресло, в котором, как позже говорил сын отца Александра, сидели три Патриарха (Тихон, Сергей и Пимен)²⁴.

Второй арест последовал в ночь с 13-го на 14 февраля 1933 года. Обыском перевернули буквально весь дом. Отца Александра увезли в Бутырскую тюрьму. Когда пришли близкие, Мария Алексеевна с дочерью лежали на кровати обнявшись и, что-

²³ Подобедова О. И. Указ. соч. С. 11.

²⁴ Там же. С. 48.

бы не слышали соседи, закрывали друг другу рты, чтобы не рыдать вслух²⁵.

По статье 58-10 УК РСФСР отец Александр был осужден на три года ссылки в Северный край, в город Каргополь. В Великий четверг его неожиданно выпустили и позволили служить до Великой субботы, но на Пасху остаться в Москве не разрешили. Два дня и две ночи отец Александр последний раз исповедовал свою паству, утром в Великую субботу причастился в алтаре и в тот же день уехал в Каргополь.

В Каргополе отец Александр поселился на окраине города, в крошечном домике одной пожилой монахини, стал заниматься огородничеством и столлярными работами. Близкие слали посылки. Летом 1933 года жене и дочери удалось навестить его, осенью с ним пожил сын. На зиму отец Александр остался один. Поздравляя дочку с Рождеством Христовым 1934 года, он писал ей:

О милая, дорогая дочка моя,
Ты тоскуешь, скуцаешь и плачешь,
Видеть ты хочешь родного-
Родного отца...

* * *

...Нет, ты не знаешь, голубка,
Что значит — Северный край,
Как все коченеет, как холод
Идет, как будто ему
Нет и преграды, идет, и
Все застывает — и тело, и
Мысль и душа...²⁶

Время ссылки отец Александр использовал для чтения книг, много конспектировал, некоторые выписки посылал своим духовным чадам. Отношение отца Александра к своим гонителям видно из письма посетившей его в ссылке духовной дочери Н. А. Кавелиной: «За чаем, — пишет она, — своему другу говорил такие вещи о всепрощении и о том, что людей надо жалеть, а не обвинять за те наваждения, которые на них бывают, что я только отворачивалась к окну, чтобы скрыть слезы»²⁷.

В 1934 году вроде бы появилась возможность взять батюшку на поруки. Немедленно было составлено заявление, но ответа не последовало. Поехавшая к нему в феврале 1934 года одна из духовных чад по возвращении в Москву была немедленно уволена с работы. Репрессии посыпались и на семью: матушке Марии Алексеевне было отказано в проживании в Москве. Она поехала было в Фаустово, но и там жить ей не дали, и ей пришлось одной

уехать в Егорьевск, за «стокилометровую зону». Сын скрывался на чердаке у братьев Коринных, дочь — в семье брата матери. Переписка из опасения за близких стала крайне редкой. От этого времени дошла до наших дней записка, написанная наскоро рукой отца Александра, без подписи, без даты, по видимому переданная с оказией:

Люблю в полночный час,
На окно облокотившись,
Подумать, милые, о Вас.
Где Вы, что с Вами, помните ль меня,
Какая скорбь, тоска у Вас,
Или Господь хранил, дал радость за меня,
За память Вашу и любовь,
За сострадание и вниманье
К нам, узникам, каргопольским друзьям...
О, это буди, буди,
Дай, Боже, и всем того же,
Всем, помнящим меня
Как узника несчастного,
Страдающего ведь только
За Христа²⁸.

(Слово «каргопольским» написано более четко, чем остальные, а слово «Христа» с пропуском: «Х та», видимо, из опасения подвести передающего.)

Чтобы выжить, отец Александр вынужден был трудиться на тяжелых физических работах. Сохранилось несколько справок: с июля по октябрь 1933 года он работал в горпо в качестве рабочего по распилке дров, на набивке силосной ямы, молотье ячменя и гороха. Летом 1935 года — при райисполкоме каргопольского райкома на выкатке дров, с 30 сентября по 25 ноября 1935-го — в Каргопольской больнице на распилке дров.

Наконец весной 1935 года отца Александра отпустили, но вернуться в Москву не дали. Отец Александр поселился за чертой стокилометровой зоны, в селе Возмище под Волоколамском, и стал служить в местном храме Рождества Богородицы. Семья приехала к нему. Посетили и некоторые духовные чада. Одна из них, О. И. Подобедова, оставила такое воспоминание: «Без всякой горечи, с глубокой верой, сосредоточенно и молитвенно наставлял он своих пасомых. Свет, благодущие, радость богообщения, присущие службам, совершаемым ранее отцом Александром, сменились крайним благоговением и той мерой преданности воле Божией, какие трудно передать словами. Казалось, он ежечасно, ежеминутно готовился предстать перед Спасителем, любовь к Которому полностью

²⁵ Подобедова О. И. Указ. соч. С. 13.

²⁶ Архив семьи Зверевых.

²⁷ Архив О. А. Кавелиной.

²⁸ Архив семьи Зверевых.

заслонила какие-либо житейские соображения. Он был ровен, ласков, бережно относился к детям, жене, приходящим «на советы» духовным чадам, как бы опасаясь нарушить какое-то особое духовное состояние, ставшее для него постоянным. Он как бы перешагнул некую преграду, и все земное мерилось для него иными мерами вечности»²⁹.

22 сентября 1937 года отца Александра Зверева арестовали в последний раз. Поначалу Мария Алексеевна носила ему передачи в Волоколамске, но вскоре батюшку перевели в Москву. Он проходил по делу с еще двумя священниками и четырьмя монахинями³⁰. Духовенство приговорили к расстрелу, монахинь — к десяти годам ссылки. Обвинения против отца Александра были составлены по общей схеме, которую можно найти в тысячах подобных дел: якобы он критиковал колхозы, чего, вследствие занятой им по отношению к гражданской власти позиции, он делать никак не мог. Через пять лет в связи с внутренней чисткой партаппарата дела эти были пересмотрены — не для того, чтобы оправдать осужденных, а для того, чтобы обвинить следователей. Вызванный заново на допрос свидетель, заявлявший против отца Александра, отрекся от своих показаний: «Я таких показаний не давал, мне этого никогда не читали. Я помню, когда допрашивал меня Вася, он мне сказал, что я в протоколе напутал, придется его переписать. Я ему ответил: делайте, вы лучше меня знае-

те»³¹. Единственное, что можно определенно понять из допросных листов отца Александра Зверева, это то, что он старался быть как можно менее многословным. Из первого протокола явствует, что на вопрос о семье он назвал только жену, не упомянув о детях. Следовательно, видимо, затем сам расспрашивал кого-то из близких отца Александра, потому что в последующих протоколах дети появляются, но имя дочери написано неверно: Агриппина вместо Ариадна (или сам отец Александр нарочно искажил ее имя). Последний допрос был, по-видимому, фиктивный, так как судьба узников уже была решена: небрежной рукой, скорописью заполнены самые общие сведения по графам. Приговор был вынесен 14 ноября 1937 года. Семье сказали — сослан без права переписки.

Отец Александр Зверев был расстрелян на Бутовском полигоне в Москве 16 ноября 1937 года. По Промыслу Божию, а отнюдь не по воле следователей, в ту же ночь там же был казнен друг его юности, муж его сестры, отец Сергей Кедров. Отец Сергей незадолго до того был арестован в Фаустове и проходил по совсем другому делу. За час переключки, проводившейся в сарае на полигоне в Бутове перед осуществлением приговора, отец Александр и отец Сергей, конечно, нашли друг друга, имели возможность ободриться и прочитать друг другу разрешительные молитвы.

Неисповедимы пути Господни.

²⁹ Подобедова О. И. Указ. соч. С. 42.

³⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Д. 41842. Л. 144 об.

³¹ ГАРФ. Ф. 10035. Д. 41848. Л. 147.